

Сталин–Рузвельт–Черчилль: «Большая тройка» через призму переписки военных лет

В. О. Печатнов*

О взаимоотношениях лидеров антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны существует много мемуаров и других источников, среди которых важнейшее место занимает их знаменитая переписка военных лет. Тем не менее, эта большая и сложная тема далеко не исчерпана и именно переписка открывает новые возможности для её дополнительного изучения. Дело в том, что до сих пор сравнительно мало известно о том, как реально писались и воспринимались эти послания, за исключением переписки Ф. Рузвельта с У. Черчиллем, подробно исследованной и откомментированной известным американским историком Второй мировой войны У. Кимбэллом¹. Две другие стороны этого эпистолярного треугольника: Сталин–Рузвельт и Сталин–Черчилль — ещё только начинают изучаться историками². Хотя сами тексты посланий давно известны и часто цитируются, знание подоплёки переписки помогает лучше понять их зачастую скрытый смысл и тем самым обогащает наши представления об подлинных отношениях внутри «большой тройки».

Основные контуры этих отношений изучены достаточно хорошо, но здесь важны даже самые, казалось бы, незначительные детали и полутона, ибо в таком тонком и ответственном деле, как трехсторонняя дипломатия на высшем уровне, и они приобретали серьёзное политическое значение. Переписка «большой тройки» в этом смысле вообще уникальна: пожалуй, во всей истории дипломатии не найти ей аналога ни по значению, ни по формату, ни по калибру и исторической роли самих корреспондентов. Переписка стала для них главным каналом связи, обеспечивающим прямой личный контакт в критическое для судеб всего мира военное время. В её ходе лидеры не только информировали друг друга, но и согласовывали по-

зиции, отстаивали интересы своих стран, ведя порой острую полемику.

Специфика этого треугольника была ещё и в том, что он не был «равнобедренным», поскольку Рузвельт и Черчилль находились в гораздо более тесных отношениях между собой, чем со Сталиным. Их двусторонняя переписка (почти две тысячи посланий за 1939–1945 гг.) в два с лишним раза превышает их переписку с советским лидером, они намного чаще встречались в годы войны и поддерживали связь по телефону, не говоря уже об англо-американской солидарности по большинству вопросов союзной дипломатии. Неравной была и степень осведомлённости членов «тройки» о действиях партнёров: если Рузвельт и Черчилль постоянно держали друг друга в курсе своей переписки с Кремлём, то о содержании их переписки между собой Сталин мог лишь догадываться или полагаться в этом отношении на работу своей разведки. Эта асимметрия ставила его в менее выгодное положение по сравнению со своими партнёрами.

Различной была и технология подготовки посланий во всех трёх столицах. Подавляющая часть посланий готовилась помощниками, но и здесь были заметные отличия: во-первых, у Рузвельта с Черчиллем было намного больше соавторов, чем у Сталина, опиравшегося в основном на В. М. Молотова, (так, в переписке с британским премьером с американской стороны в общей сложности участвовало 17 человек, помимо самого президента)³; во-вторых, Сталин гораздо больше вторгался в подготовленные проекты посланий и чаще писал их собственноручно, чем Рузвельт и Черчилль. Установление подлинного авторства посланий, помимо чисто археографической стороны дела, важно для прояснения мотивов и образа мысли главных действующих лиц, их непосредственного

* Владимир Олегович Печатнов — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории политики стран Европы и Америки.

вклада в переписку. Особенно интересен, как мы увидим, анализ правки, которую вносили лидеры в подготовленные проекты посланий.

По степени закрытости и персонализации переписки на первом месте шла советская сторона, где содержание посланий целиком определялось тандемом Сталин–Молотов и лишь иногда доводилось до сведения отдельных старших членов Политбюро по вопросам их компетенции. Наиболее открытой и коллегиальной была британская практика: послания Рузвельта и особенно Сталина регулярно обсуждались на заседаниях кабинета, который затем поручал (обычно — Министерству иностранных дел) подготовить ответ того или иного содержания. Сами послания регулярно рассылались королю и ключевым членам кабинета. Американская процедура была ближе к советской с той разницей, что в подготовке проектов посланий принимало участие гораздо больше людей, среди которых преобладали не дипломаты, а военные и личные помощники президента, прежде всего — Г. Гопкинс. По всем трём каналам послания, как правило, передавались шифротелеграммами через свои посольства и вручались адресату на языке оригинала.

Обратимся к подоплёке переписки Сталина с Рузвельтом и Черчиллем, поскольку именно «сталинский угол» этой переписки остаётся пока наименее исследованным. Первое, что обращает на себя внимание при сравнительном анализе составления сталинских посланий в Вашингтон и Лондон — это весьма тонкая дифференциация, которую великий диктатор проводит в обращении со своими главными адресатами. Молотовские заготовки, как правило, не делали этого различия, но Сталин, как мы увидим, правит их в сторону «утепления» и уважительности в случае с Рузвельтом и, напротив, часто ужесточает в случае с Черчиллем. Эта дифференциация была, разумеется, не случайной и отражала различное отношение Сталина к двум лидерам англо-американского мира.

Отношение его к Рузвельту определялось целым букетом объективных и субъективных факторов: превосходящей военно-экономической мощью США, более позитивным образом Америки по сравнению со старым противником царской и советской России — Великобританией, меньшим конфликтным потенциалом советско-американских отношений по сравнению с англо-советскими, личной репутацией Рузвельта — инициатора дипломатического признания СССР и помощи ему в виде ленд-лиза по контрасту с ярым антисоветчиком, вдохновителем похода Антанты в годы Гражданской войны Черчиллем⁴. Имели значение и личные качества — демократическая обходительность Рузвельта и ершистая заносчивость британского премьера, проявлявшиеся как в переписке, так и в личном общении «большой тройки». В ходе переговоров в Тегеране и Ялте, как подтверждает главный посредник между Рузвельтом и Сталиным, посол США в Москве А. Гарриман, последний «обращался с президентом как со старшим

из участников»⁵; он был гораздо предупредительнее с Рузвельтом, чем с Черчиллем — чаще соглашался с ним, а если и возражал, то сдержанно, никогда не позволяя себе явных колкостей или грубоватых шуток, выпадавших на долю англичанина. Наверное, не случаен был и выбор разномастных кличек для обоих лидеров в донесениях советской разведки — «Капитан» (Рузвельт) и «Кабан» (Черчилль) — разведчики хорошо представляли себе вкусы и предпочтения главного адресата своей информации.

Не доверявший даже самому себе, привыкший и в союзниках видеть врагов, Сталин, конечно, не доверял до конца и Рузвельту, тем более что благодаря хорошо поставленной разведке отчётливо видел и его двойную игру (прежде всего, с разработкой атомного оружия и затягиванием открытия Второго фронта). И всё же президент был для него главным и наиболее удобным партнёром, которого можно было использовать в качестве определённого противовеса Черчиллю, играя на англо-американских разногласиях⁶. Однако при всей нюансировке своей переписки с англо-американцами Сталин прекрасно понимал интимный характер особых отношений между Рузвельтом и Черчиллем и избегал говорить одному то, что хотел бы скрыть от другого. Посмотрим теперь, как всё это выглядело в реальной жизни, взяв в качестве примеров наиболее важные проблемы, поднимавшиеся в переписке «большой тройки».

Первое серьёзное осложнение в союзных отношениях возникло летом 1942 г. в связи с решением Лондона о приостановке северных конвоев ввиду их больших потерь от немецких атак. Мало того, в проекте своего послания Сталину Черчилль связал этот шаг с необходимостью накопления сил для открытия Второго фронта в 1943 году, что шло вразрез с майскими договорённостями о его открытии в 1942 году, достигнутыми во время визитов Молотова в Лондон и Вашингтон. Черчилль послал этот проект на одобрение Рузвельту, который скрепя сердце согласился с предложенным текстом⁷. Получив суровый ответ Сталина (от 23 июля), союзники призадумались. Черчилль в послании Рузвельту предложил ограничиться посылкой Сталину своего меморандума, вручённого Молотову в мае, с его оговорками относительно возможности открытия Второго фронта в 1942 г. Рузвельт счёл это недостаточным. «...Ответ Сталину, — писал он, — должен быть продуман очень тщательно. Нам всегда нужно помнить о личности нашего союзника и той трудной и опасной ситуации, в которой он находится. Нельзя ожидать вселенского взгляда на войну от человека, в страну которого вторгся враг. Думаю, мы должны постараться поставить себя на его место»⁸. В качестве меры укрепления доверия президент предложил посвятить Сталина в стратегические планы на 1942 г., связанные с операцией «Факел» по вторжению в Северную Африку. Черчилль решил встретиться со Сталиным для откровенного объяснения на обратном пути из Каира.

Эта тяжёлая миссия Черчилля подробно описана в литературе, опубликованы записи его бесед со Сталиным⁹, хорошо известна вся гамма московских переживаний Черчилля, который был сначала подавлен сталинским холодом, а затем, особенно — во время знаменитой ночной беседы на квартире вождя, очарован гостеприимством хозяина Кремля и его моментальным проникновением в суть и стратегические преимущества «Факела». Сам Черчилль в подробном отчёте Рузвельту с искренним облегчением писал о том, что русские «проглотили эту горькую пилюлю», а ему удалось установить дружественные личные отношения со Сталиным¹⁰.

Однако, несмотря на внешнее радушие, Сталин, похоже, только утвердился в своём глубоком недоверии к Черчиллю. Этому способствовало критическое ухудшение ситуации под Сталинградом и история с пропавшими 154 «Аэрокобрами» — американскими истребителями, предназначенными для Сталинградского фронта, но скрыто переданными по указанию Черчилля американцам для нужд операции «Факел». В середине октября Сталин телеграфирует послу в Лондоне И. М. Майскому: «У нас в Москве создается впечатление, что Черчилль держит курс на поражение СССР, чтобы потом сговориться с Германией Гитлера или Брюнинга за счёт нашей страны». В ответ Майский (редкий случай) даже попробовал переубедить «Верховного», доказывая, что Черчилль не ставит перед собой такой задачи, хотя «объективно» его политика может к этому привести. Сталин (что тоже случалось редко) частично согласился с Майским, но остался при своём мнении о коварстве британского премьера. «Черчилль принадлежит, видимо, к числу тех деятелей, которые легко дают обещание, чтобы так же легко забыть о нём или даже грубо нарушить его... Что же, впредь будем знать, с какими союзниками имеем дело»¹¹.

В той же телеграмме Майскому Сталин писал, что «мало верит» в операцию «Факел», однако она развивалась успешно, превосходя ожидания самого англо-американского командования. Успеху союзников помогла циничная сделка американцев с командующим войсками вишистского режима в Северной Африке адмиралом Дарланом, который в обмен на признание его в этом качестве англо-американцами отказался от сопротивления их высадке и даже способствовал ей. В ответ на послание Черчилля с презрительным упоминанием об этой сделке с «мошенником Дарланом» Молотов составил проект послания, в котором решил окончательно заклеить продажного француза: «Что касается Дарлана, то подозрения в его отношении представляются мне вполне законными. Во всяком случае, прочные решения дел в Северной Африке должны опираться не на Дарлана и ему подобных, а на тех, кто может быть честным союзником в непримиримой борьбе с гитлеровской тиранией, с чем, я уверен, вы согласны». Сталин вычеркнул гневный молотовский пассаж,

показавший ему, видимо, неуместным чистоплюйством и заменил его очень выразительным своим: «Что касается Дарлана, то мне кажется, что американцы умело использовали его для облегчения дела оккупации Северной и Западной Африки. Военная дипломатия должна уметь использовать для военных целей не только Дарланов, но и чёрта с его бабушкой»¹². Далеко было прямолинейному Молотову до макиавеллистской гибкости «Хозяина»!

В то же послание Сталин вносит ещё одно характерное добавление. В ответ на туманное упоминание Черчиллем «постоянных приготовлений» в районе Па-де-Кале и новых бомбардировок Германии он вставляет: «Надеюсь, что это не означает отказа от Вашего обещания в Москве устроить Второй фронт в Западной Европе весной 1943 года»¹³. Как видим, Сталин не упускает случая напомнить союзникам о данном обещании, ещё не зная, что те уже готовятся нарушить и его.

Хотя двойная игра в вопросе о Втором фронте велась совместно Рузвельтом и Черчиллем, последний был её главным вдохновителем, «ведя Рузвельта на буксире», по образному выражению посла СССР в США М. М. Литвинова¹⁴. Президент со своей стороны пытался смягчить болезненную реакцию Москвы на эту игру, в том числе — за счёт более активного подключения советского военного командования к англо-американскому стратегическому планированию, а также проведения трёхсторонней встречи на высшем уровне. Сначала он проговаривает эти идеи со скептически настроенным Черчиллем, а в начале декабря 1942 г. впервые предлагает такую встречу «в недалёком будущем» самому Сталину¹⁵. Тот не спешил с согласием, стремясь прийти на эту встречу максимально укрепленным новыми военными победами, способным предопределить её успех и даже само место проведения. Рузвельта, как доверительное поведаль Черчилль Майскому, очень раздражала эта сталинская несговорчивость. «Президент меня спрашивал, в чём причина отказа Сталина приехать. Я говорил президенту: Сталин — реалист. Его не проймёшь словами. Если бы он приехал, то первый вопрос, который он задал бы нам с Вами, гласил бы: „Ну, сколько немцев Вы убили в 1942 году? И сколько Вы рассчитываете убить в 1943 году?“ А что бы мы с Вами ответили? Мы и сами не знаем. Сталину это было ясно с самого начала, — какой же смысл ему было ехать на совещание? Тем более что дома у него действительно делаются большие дела»¹⁶.

В данном случае премьер не лукавил. Он действительно писал Рузвельту нечто подобное ещё в конце ноября: «Я могу заранее сказать, какова будет позиция русских. Они спросят нас с вами: „Сколько германских дивизий вы сможете сковать летом 1943 года? А сколько вы сковали в 1942-м?“ Они наверняка потребуют крепкого Второго фронта в 1943 в виде массивного вторжения на континент с запада, юга или с обоих этих направлений»¹⁷. Ответить на это и в самом

деле было нечего, тем более, что обещанное открытие «крепкого Второго фронта» вновь отодвигалось.

Первый тревожный намёк на это Сталин уловил в послании Черчилля от 11 марта 1943 г., в котором премьер обуславливал начало операции на севере Франции «достаточным ослаблением» противника: он обводит эту фразу двойной чертой и ставит на полях жирный знак вопроса. Подозрения вождя быстро передались Молотову, который заготовил проект ответа с настойчивой просьбой устранить «неопределённость» заявлений премьера, вызывающую в Кремле «тревогу». Однако пока Сталин решил несколько смягчить тон послания, добавив к жёсткому напоминанию о важности вторжения во Францию в 1943 г. примирительную фразу о том, что «признаёт трудности» англо-американцев в осуществлении такой операции¹⁸.

В конце марта Рузвельт и Черчилль решили остановить посылку северных морских конвоев в Мурманск и Архангельск ввиду больших потерь от подкарауливавших их немецких подлодок. Набравшись духу, Черчилль сообщил эту тяжёлую новость Сталину в послании от 30 марта, подкорректированном Рузвельтом¹⁹. На следующий день премьер принял Майского и рассказал ему об этом решении, проверяя на нём советскую реакцию. «Я решил прямо сказать Сталину, что есть, — пояснил он. — Никогда нельзя вводить в заблуждение союзника. Мы же воины. Мы должны уметь мужественно встречать даже самые неприятные известия». «Не приведёт ли это к разрыву между мной и Сталиным?» — с нескрываемой тревогой спросил Черчилль. «Я не могу ничего сказать за товарища Сталина, — отвечал посол, — Он сам скажет. В одном я не сомневаюсь, что прекращение конвоев вызовет в товарище Сталине очень сильные чувства». Черчилль продолжал: «Всё, что угодно, но только не разрыв. Я не хочу разрыва, Я хочу работать с Вами. Я уверен, что я смогу работать со Сталиным. Я не сомневаюсь, что если мне суждено будет ещё пожить, я смогу оказаться Вам очень полезным в деле налаживания дружественных отношений с США. Мы — три великие державы — должны во что бы то ни стало обеспечить дружественное сотрудничество после войны»²⁰.

В Кремле эта взволнованная депеша Майского была получена 1 апреля — на следующий день после получения послания Черчилля. Таким образом, Сталин мог ответить ему уже с учётом информации посла о страхах и надеждах своего британского корреспондента. Может быть, поэтому его ответное послание Черчиллю от 2 апреля было таким лаконичным — Сталин квалифицировал этот «неожиданный акт как катастрофическое сокращение поставок военного сырья и вооружения Советскому Союзу со стороны Великобритании и США». «Понятно, — скупно заключил он, — что это обстоятельство не может не отразиться на положении советских войск»²¹. Черчилль вздохнул с облегчением: «Считаю послание Сталина естественным и стоическим ответом, — писал он

Рузвельту, — Его последнее предложение для меня означает лишь одно — „советской армии будет хуже и ей придётся больше страдать“»²².

Гораздо более острый кризис в союзных отношениях разразился в июне 1943 года, когда Рузвельт и Черчилль после своей третьей вашингтонской конференции (кодовое название «Трезубец») сообщили Сталину об очередной отсрочке Второго фронта. На сей раз это было сделано в послании Рузвельта от 4 июня, на которое Сталин ответил жёстко, но сдержанно, подчёркнув, что это решение «создаёт исключительные трудности для Советского Союза». Сталин даже смягчил тон послания: содержавшееся в заготовке Молотова предупреждение о том, что решение союзников «будет иметь самые серьезные последствия и решающее значение для дальнейшего хода войны» заменяется на «могущему иметь тяжёлые последствия для дальнейшего хода войны»²³. Попутно в косвенной форме вообще отрицалось «решающее значение» действий союзников для хода войны, как бы оставляя эту роль только за Советским Союзом.

Гораздо более суровый отпор ждал Черчилля, когда тот в согласованном с Белым домом ответе попытался дать развёрнутое оправдание англо-американских действий. Кремлёвский затворник с цитатами из конкретных заявлений англо-американцев припомнил ему все предыдущие нарушенные обещания. Аргументы Черчилля были подвергнуты решительной и обоснованной критике, а в заключение послания была вставлена прямо-таки кованая фраза: «Должен Вам заявить, что дело идёт здесь не просто о разочаровании Советского Правительства, а о сохранении его доверия к союзникам, подвергаемого тяжёлым испытаниям. Нельзя забывать того, что речь идёт о сохранении миллионов жизней в оккупированных районах Западной Европы и России и о сокращении колоссальных жертв советских армий, по сравнению с которыми жертвы англо-американских войск составляют небольшую величину»²⁴.

Депеша Майского сохранила для историков картину бурной реакции Черчилля, более всего уязвленного сталинским обвинением в сознательном обмене. «В ходе разговора, — сообщал посол, — Черчилль несколько раз возвращался к той фразе послания товарища Сталина, в которой говорится о „доверии к союзникам“ (в самом конце послания). Эта фраза явно не давала покоя Черчиллю и вызывала в нём большое смущение». Премьер даже поставил под вопрос целесообразность продолжения переписки, которая, сказал он, «только приводит к трениям и взаимному раздражению». Майскому удалось несколько успокоить его напоминанием об огромных жертвах Советского Союза и о важности сохранения прямого контакта между лидерами союзников в критический момент войны. Черчилль, по его словам, «стал постепенно обмякать» и перешёл к оправданию своих действий, словно продолжая заочный спор со Сталиным: «Хотя послание товарища Сталина является очень искусным

полемическим документом, — сказал он по сообщению Майского, — оно не вполне учитывает действительное положение вещей...» В тот момент, когда Черчилль давал товарищу Сталину свои обещания, он вполне искренне верил в возможность их осуществления. Не было никакого сознательного втирания очков. «Но мы не боги, — продолжал Черчилль, — и мы делаем ошибки. Война полна всяких неожиданностей»²⁵. Вряд ли эти оправдания смогли в чём-то переубедить Сталина. В назидание союзникам в конце июня он отзывает популярных на Западе советских послов — Майского из Лондона и Литвинова из Вашингтона.

С особым вниманием Сталин вел переписку по вопросу о встрече в верхах. Его неприязнь к дальним поездкам и одержимость престижем СССР вели к упорному отказу встретиться с Рузвельтом и Черчиллем вдали от советской территории. В проект своего послания Рузвельту от 8 августа 1943 г. он вписывает длинный пассаж с предложением устроить такую встречу «либо в Астрахани, либо в Архангельске»²⁶. В конце августа он соглашается с предложением союзников о проведении совещания министров иностранных дел «большой тройки» в преддверии встречи в верхах. Черчилль предлагал провести его в Лондоне, Рузвельт — в Касабланке или Тунисе. В ответном послании Рузвельту на сей счет от 8 сентября Сталин добавляет к молотовскому проекту ключевую фразу: «...причем местом встречи я предлагаю Москву»²⁷. Несмотря на последующие попытки Рузвельта переиграть это место встречи, Сталин сумел настоять на своем. Так родилась Московская конференция министров иностранных дел трех союзных держав, ставшая прологом Тегеранской встречи «большой тройки».

Но даже на подходе к этой встрече Сталин не упускает случая одёрнуть англосаксов, когда видит малейшее ущемление ими советского престижа или интересов. Особенно достаётся Черчиллю, который, как хорошо знают в Кремле из сообщений советской разведки и дипломатии, продолжал уговаривать Рузвельта оттянуть форсирование Ла-Манша. Показательно сталинское послание Черчиллю от 13 октября, в проект которого он вносит существенную правку. Вместо молотовской благодарности за сообщение об отправке дополнительных северных конвоев он вставляет следующую фразу — это сообщение «обесценивается» заявлением премьера о том, что посылка этих конвоев есть не выполнение обязательства, а проявление доброй воли британской стороны. Отказывая в просьбе Черчилля увеличить контингент английского военно-морского персонала на севере России, Сталин усиливает выговор англичанам за «недопустимое» поведение британских военнослужащих в Архангельске и Мурманске, которые пытаются завербовать советских людей в разведывательных целях: округлую формулировку Молотова об использовании при этом англичанами «соблазнов материальных благ» он заменяет на гневно-обличительное — «подобные оскорбительные для советских людей явления, есте-

ственно порождают инциденты...»²⁸. Черчилль был настолько возмущён этим «обидным», по его словам, посланием, что отказался не только отвечать на него, но даже и принять, вернув документ новому советскому послу Ф. Т. Гусеву с разъяснением, что этим вопросом займётся Э. Иден на предстоящей конференции министров иностранных дел в Москве (там, кстати, просьба англичан была удовлетворена)²⁹.

Тегеранская конференция, на которой, несмотря на сопротивление Черчилля, был, наконец, разрешён вопрос о Втором фронте, вносит явное потепление в отношения между «большой тройкой». В свое первое после Тегерана послание Черчиллю и Рузвельту от 10 декабря Сталин даже вставляет необычное для себя заключение: «Привет!» Заметнее всего утешается тон его обращения с Рузвельтом. Подводя итоги встречи в послании президенту от 6 декабря, Сталин добавляет к молотовскому проекту следующие слова (выделены курсивом. — *Авт.*): «Теперь имеется уверенность в том, что наши народы будут дружно совместно действовать *и в настоящее время и после завершения этой войны*. Желаю наилучших успехов Вам и Вашим вооруженным силам в предстоящих *ответственных операциях*»³⁰.

7 декабря в Ставку приходит сообщение Рузвельта о назначении генерала Д. Эйзенхауэра командующим операцией по форсированию Канала (кодовое название «Оверлорд»). В Тегеране Сталин настаивал на скорейшем назначении командующего вторжением, и то, что им стал авторитетный Эйзенхауэр, порадовало его вдвойне, как подтверждение серьезности намерений союзников. Кроме того, в тот же день отдельным посланием Рузвельт и Черчилль информировали Сталина о дополнительных мерах по расширению масштабов предстоящей операции. Поэтому 10 декабря он отвечает Рузвельту кратким посланием, в проект которого вставляет от руки следующие слова (выделены курсивом. — *Авт.*): «Ваше послание о назначении генерала Эйзенхауэра получил. *Приветствую назначение генерала Эйзенхауэра*. Желаю ему успеха в деле подготовки и осуществления предстоящих *решающих операций*»³¹. (Сталин, как видим, поднимает значение высадки союзников во Франции по сравнению с предыдущим посланием.)

Что касается Черчилля, то уже в январе Сталин убирает тегеранские сантименты Молотова из проекта послания премьеру, вычеркивая его заключительный абзац: «Ваши сообщения о том, что Вы много работаете над обеспечением успеха решения о втором фронте, весьма обнадеживающи. Значит, скоро уже враг пойдёт, как велика роль Тегерана в этой великой войне»³².

Особенно пристально Сталин контролировал переписку по польскому вопросу, ставшему главным после Второго фронта камнем преткновения в отношениях между союзниками. Здесь он неизменно ужесточает молотовские оценки польского эмигрантского правительства и позиций союзников, не дифференцируя их тональность в зависимости от

адресата, хотя главной мишенью его критики остаётся Черчилль. Премьер давал для этого основания. Несмотря на то, что в Тегеране союзники в принципе согласились на изменение восточной границы Польши по «линии Керзона», Черчилль в своём послании Сталину от 21 марта заявил об отказе Великобритании признавать передачи «территорий, произведённые силой» (прозрачный намёк на присоединение к СССР Западной Украины и Белоруссии в 1939 г.) и сообщил, что собирается открыто сказать об этом в британском парламенте.

Сталин не мог оставить этот выпад без ответа. Его особенно покорила квалификация действий Красной Армии как насильственного захвата польской территории. Поэтому он вносит следующее изменение в проект Молотова (выделено курсивом. — *Авт.*): «Я понимаю это так, что Вы *выставляете Советский Союз как враждебную Польше силу* и по сути отрицаете освободительный характер войны Советского Союза против германской агрессии». Черчилль также обвинялся в грубом нарушении тегеранских договорённостей и в том, что он не прилагает достаточных усилий к тому, чтобы заставить «лондонцев» признать законность советских требований. Послание завершилось многозначительным предупреждением о том, что «метод угроз и дискредитации, если он будет продолжаться и впредь, не будет благоприятствовать нашему сотрудничеству»³³.

На сей раз Черчилль уклонился от продолжения полемики. «По моему, он (Сталин. — *Авт.*) больше лает, чем кусает», — поделился он с Рузвельтом и по рекомендации кабинета поручил сделать ответное заявление британскому послу в Москве А. Керру³⁴.

Долгожданное открытие Второго фронта на время сгладило межсоюзные противоречия. Сталин сдержал своё обещание поддержать действия союзников новым советским наступлением на советско-германском фронте. В послании Черчиллю от 9 июня он прямо называет дату начала первого тура этого наступления — 10 июня (вместо предложенной Молотовым фразы «в ближайшие дни»), понимая, насколько важна эта точная информация для союзников. Черчилль в тот же день с подъёмом ответил: «Весь мир может видеть воплощение тегеранских планов в наших согласованных атаках против нашего общего врага. Пусть же всяческие удачи и счастье сопутствуют советским армиям»³⁵. Реакция Рузвельта была более сдержанной: «Планы дядюшки Джо весьма многообещающи, — писал он Черчиллю, — хотя они наступают немного позже, чем мы надеялись, в конечном счёте это может быть к лучшему»³⁶. Что имел в виду президент в этой загадочной заключительной фразе, добавленной им к тексту, подготовленному его помощником адмиралом У. Леги? Стоит, видимо, согласиться с предположением У. Кимбэлла о том, что Рузвельта беспокоило слишком далёкое продвижение Красной Армии в глубь Европы³⁷. Видели это беспокойство и в Москве. Как скажет об этом потом сам Сталин в беседе с М. Торезом: «...Ко-

нечно, англо-американцы не могли допустить такого скандала, чтобы Красная Армия освободила Париж, а они бы сидели на берегах Африки»³⁸.

Но, даже понимая своекорыстие союзников, в Кремле отдавали должное грандиозной операции «Оверлорд». В послании Сталина Черчиллю от 11 июня говорилось, что «история войн не знает другого подобного предприятия с точки зрения его масштабов, широкого замысла и мастерства выполнения». Точное авторство этого послания остаётся неясным: сохранившийся в архиве Сталина черновик Молотова не содержит существенной сталинской правки, но зато его текст почти дословно совпадает с интервью Сталина газете «Правда» от 14 июня и с тем, что Сталин говорил в те же дни послу А. Гарриману³⁹. Возможно, он просто использовал понравившийся ему молотовский текст, но скорее всего нарком набросал его со слов самого Сталина, тем более что Молотов в переписке обычно остерегался влезать в вопросы военной стратегии, предоставляя их «Верховному». Эпизодические вылазки Молотова в этом направлении редко оставались без правки. Например, в том же июне он направил Сталину проект извещения союзников о втором туре советского наступления (операция «Багратион»), подготовленный велеречивым заместителем Молотова А. Я. Вышинским и слегка «подсушенный» самим наркомом. Сравнение чернового и окончательного вариантов ясно показывает особенности сталинского стиля:

Что касается нашего наступления, то мы не собираемся давать немцам передышку, а продолжать изо дня в день расширять фронт наших наступательных операций, усиливая мощь нашего натиска на немецкие армии, всё более и более начинающие чувствовать силу наших совместных ударов.

Относительно нашего наступления можно сказать, что мы не будем давать немцам передышку, а будем продолжать расширять фронт наших наступательных операций, усиливая мощь нашего натиска на немецкие армии»⁴⁰

Союзная гармония, однако, длилась недолго, и главным раздражителем снова стал польский вопрос. Страсти сторон особенно разгорелись в связи с варшавским восстанием, поднятым Армией Крайовой и лондонским правительством в начале августа 1944 г. без уведомления советского командования. Сталин, как известно, отказался поддержать эту, по его словам, «авантюру» и не жалел красок для понижения роли и возможностей восставших. В проект послания Черчиллю от 5 августа он добавляет от себя заключительный пассаж: «Краевая армия поляков состоит из нескольких отрядов, которые неправильно называются дивизиями. У них нет ни артиллерии, ни авиации, ни танков. Я не представляю, как подобные отряды могут взять Варшаву, на оборону которой

немцы выставили четыре танковые дивизии, в том числе дивизию „Герман Геринг“. По мере выяснения масштабов варшавской трагедии Сталин начинает выказывать сочувствие её жертвам, которых „кучка преступников“ бросила „под немецкие пушки, танки и авиацию“. Но и из этого проекта послания Черчиллю от 22 августа он вымарывает показавшиеся ему, видимо, слишком эмоциональными слова своего заместителя о готовности «помочь нашим братьям полякам освободить Варшаву и отомстить гитлеровцам за их кровавые преступления в столице поляков»⁴¹. Польская проблема продолжала отравлять союзнические отношения вплоть до самого конца войны в Европе.

Так, в большом послании Сталина Рузвельту о польских делах от 27 декабря 1944 г. речь шла о попустительстве правительства Миколайчика антисоветским действиям Армии Крайовой в тылу Красной Армии. Для характеристики этих «подпольных агентов польского эмигрантского правительства» Сталин добавляет ключевые слова: «террористы», убивающие не просто «людей» (как это было у Молотова), а «солдат и офицеров Красной Армии»; «польских эмигрантов» в английской столице он превращает в «кучку польских эмигрантов в Лондоне». Главный сигнал послания — СССР видит будущее правительство Польши не в Лондоне, а в созданном под советской эгидой Польском Комитете Национального Освобождения. Понимая необходимость как можно более убедительной аргументации для союзников в этом ключевом и спорном вопросе, Сталин добавляет от себя чеканный пассаж с доводами об интересах СССР в Польше, которые он затем будет повторять и в переписке, и на конференции в Ялте: «Следует иметь в виду, что в укреплении просоюзнической и демократической Польши Советский Союз заинтересован больше, чем любая другая держава, не только потому, что Советский Союз несет главную тяжесть борьбы за освобождение Польши, но и потому, что Польша является пограничным с Советским Союзом государством и проблема Польши неотделима от проблемы безопасности Советского Союза. К этому надо добавить, что успехи Красной Армии в Польше в борьбе с немцами во многом зависят от наличия спокойного и надежного тыла в Польше, причем Польский Национальный Комитет вполне учитывает это обстоятельство, тогда как эмигрантское правительство и его подпольные агенты своими террористическими действиями создают угрозу гражданской войны в тылу Красной Армии и противодействуют успехам последней»⁴².

Ужесточение сопротивления союзников по вопросу о составе будущих правительств Польши и Румынии было во многом связано с внутривнутриполитическими соображениями — давлением общественного мнения и восточно-европейской диаспоры в США. Черчилль, который ещё в октябре 1944 г. с увлечением делил Балканы со Сталиным на сферы влияния, теперь шумно протестовал против советских нарушений «Декларации об освобождённой Европе», подпи-

санной в Ялте. Между тем, во внутренней переписке англо-саксы признавали уязвимость своей позиции. Ялтинское соглашение, напоминал Рузвельт Черчиллю в послании от 29 марта, «делает больший упор на люблинских поляках, чем на двух других группах»⁴³. Сам премьер сознавал непоследовательность апелляции к демократическим принципам самоопределения на фоне своей секретной («процентной») сделки со Сталиным. «Я очень не хочу, — признавался он Рузвельту в начале марта, — педалировать этот вопрос до такой степени, чтобы Сталин мог сказать: „Я не вмешивался в ваши действия в Греции, почему же вы не даёте мне такую же свободу рук в Румынии?“»⁴⁴. Но в Москве протесты союзников воспринимались именно как проявление двойного стандарта — лицемерное нарушение неписаного правила невмешательства в «чужую» сферу влияния. «Польша — большое дело! — в сердцах начертал Молотов на полях записки Вышинского по польскому вопросу в феврале 1945 г. — Но как организованы правительства в Бельгии, Франции, Германии и т. д., мы не знаем. Нас не спрашивали, хотя мы не говорим, что нам нравится то или другое из этих правительств. Мы не вмешивались, т. к. это зона действий англо-американских войск» (подчёркнуто в тексте. — *Авт.*)⁴⁵. Позднее этот крик души наркома в смягчённом виде перекоцует в послание Сталина Черчиллю от 24 апреля⁴⁶.

Один из последних драматических эпизодов переписки «большой тройки» связан с известным «Бернским инцидентом» — секретными контактами американской разведки с нацистскими представителями в Берне в марте 1945 г., которые Сталин не без основания счёл сепаратными переговорами о капитуляции германских войск в Северной Италии. С учётом главной роли в этом деле американской стороны он сосредоточил огонь на Белом доме.

Первое развернутое послание Рузвельту по этому вопросу от 29 марта было подготовлено Молотовым и оставлено Сталиным почти без поправок. Внимательно изучая полученный на него американский ответ, Сталин подчёркивает в нем ключевые места: «никаких переговоров о капитуляции не было», «целью было установление контакта», «Ваши сведения... ошибочны». Однако Рузвельт так и не смог ответить на главный вопрос — если союзникам нечего было скрывать, то почему они отказались пригласить в Берн советских представителей? Отталкиваясь от этих опорных точек, Сталин пункт за пунктом парирует оправдания президента в послании от 3 апреля, которое на сей раз составляет целиком сам. Перед тем как окончательно утвердить текст, Сталин решает предельно заострить звучание этого и без того гневного документа. В послание вносятся два последних добавления (отмечены курсивом. — *Авт.*): «Понятно, что такая ситуация никак не может служить делу *сохранения* и укрепления доверия между нашими странами... Я лично и мои коллеги ни в коем случае не пошли бы на такой *рискованный* шаг, сознавая, что минутная

выгода, какая бы она ни была, бледнеет перед принципиальной выгодой по сохранению и укреплению доверия между союзниками»⁴⁷.

Послание Сталина дышит «подозрительностью и недоверием к нашим мотивам. — записал в своём дневнике У. Леги, — Я подготовил для президента направленный затем маршалу Сталину резкий ответ, настолько близкий к отповеди, насколько это возможно в дипломатических обменах между государствами»⁴⁸. Черчилль солидаризировался с президентом в послании Сталину от 5 апреля. Однако в конечном итоге суровый отпор Кремля возымел свое действие: инцидент был вскоре исчерпан и Рузвельт, преодолевая выражения своих «ястребов», предпочел закончить это тяжелое объяснение на примирительной ноте. 12 апреля за несколько часов до своей кончины он писал Сталину: «Благодарю Вас за Ваше искреннее пояснение советской точки зрения в отношении Бернского инцидента, который, как сейчас представляется, поблек и отошел в прошлое, не принеся никакой пользы. Во всяком случае, не должно быть взаимного недоверия, и незначительные недоразумения такого характера не должны возникать в будущем»⁴⁹. Посол Гарриман, приложивший руку к раздуванию этого кризиса, задержал было передачу этого послания, предложив исключить из него термин «незначительный», но Рузвельт считал этот нюанс очень важным. «Я не намерен, — незамедлительно ответил он Гарриману, — опускать слово „незначительный“, так как хочу считать бернское непонимание незначительным инцидентом»⁵⁰. В своём последнем послании Черчиллю от 11 апреля (одному из очень немногих написанных своей рукой) Рузвельт также высказался за «минимизацию советской проблемы», поскольку имеющиеся разногласия «возникают и улаживаются почти ежедневно, как в случае со встречами в Берне»⁵¹.

Смерть Рузвельта устранила последнюю узду на растущий антисоветизм Черчилля. Последние недели войны и победный май отмечены целой серией его открытых и тайных шагов, направленных на ограничение советского влияния в Европе — начиная от попыток втянуть американцев в битву за Берлин и поддержку своих войск в отведённой для Красной Армии зоне оккупации Германии и кончая разработкой плана

войны с СССР (операция «Немыслимое»)⁵². «Весеннее обострение» Черчилля проникало и в его контакты с советской стороной, в том числе — переписку со Сталиным, в которой он, пользуясь неопытностью Г. Трумэна, берёт на себя роль главного представителя союзников. 28 апреля Черчилль (незадолго до этого отправивший алармистскую телеграмму Трумэну о «железном занавесе» в Европе) шлёт длинное послание Сталину, в котором подробно излагались все после-ялтинские претензии союзников. Послание венчалось тем, что сам Черчилль назвал «излиянием моей души перед Вами» — прочувствованным предупреждением об угрозе послевоенного раскола на советский и англо-американский мир: «Вполне очевидно, что ссора между ними раздирает бы мир на части и что все мы, руководители каждой из сторон, которым приходилось иметь к этому какое-либо отношение, были бы посрамлены перед историей»⁵³. Излияние Черчилля осталось без ответа — Сталин проигнорировал его общую часть, ограничившись продолжением полемики по польскому вопросу.

Между тем он был хорошо информирован о настрое и кознях премьера, включая «Немыслимое», а также сохранение немецкого трофейного оружия и воинских частей для возможного использования против СССР. Всё это лишь укрепляло Сталина в его отношении к Черчиллю как главному и неисправимому потенциальному противнику, с которым бесполезно вести стратегический диалог. Не случайно, видимо, ощущая этот настрой «Хозяина», посол Гусев в своих депешах начинает предупреждать, «что мы имеем дело с авантюристом, для которого война является его родной стихией, что в условиях войны он чувствует себя значительно лучше, чем в условиях мирного времени»⁵⁴. Не внушал больших надежд и Трумэн, начавший отходить от политики своего прешествника. «Теперь, после смерти президента Рузвельта, — говорил Сталин Г. К. Жукову и Молотову, — Черчилль быстро столкуется с Трумэном»⁵⁵. Дальнейшая корреспонденция с западными партнёрами становилась всё более сухой и сугубо официальной. На заключительном этапе Сталин всё реже вмешивается в подготавливаемые Молотовым тексты. Переписка союзников подходила к концу — как и сам союз.

¹ Churchill & Roosevelt. The Complete Correspondence. Edited With Commentary by W. Kimball. Vol. I-III. Princeton, 1984.

² Печатнов В. О. Как Сталин писал Рузвельту (по новым документам) // Источник, 1999, №6; Idem. Сталин и Рузвельт (заметки историка) / Война и общество, 1941–1945: В 2-х кн. / Отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М., 2004, кн. 1.

³ См.: Churchill & Roosevelt, Vol. 1, P. XXXII.

⁴ Эту репутацию Черчилля хорошо знали и в рузвельтовском Белом доме. Препровождая мужу одно из самых откровенных высказываний Черчилля против большевизма времен Гражданской войны, Элеонора Рузвельт приписала: «Не удивительно, если г-н Сталин никак не может это забыть» (Franklin D. Roosevelt Library, President's Secretary File, Great Britain, W. Churchill).

⁵ Staff Meeting, December 8, 1943. — Library of Congress, W. A. Harriman Papers, Chronological File, Cont. 171.

⁶ Подробнее см.: Печатнов В. О. Сталин и Рузвельт (заметки историка), С. 402–403.

⁷ Churchill & Roosevelt, Vol. I, P. 529–533.

⁸ Ibid., P. 545.

⁹ Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004.

- ¹⁰ Churchill & Roosevelt, Vol. I, P. 570–571.
- ¹¹ Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль, С. 376, 378.
- ¹² Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ), Ф. 558, Д. 256, Л. 154. Столь же однозначно-позитивно Сталин оценил сделку с Дарланом в послании Рузвельту от 14 декабря // Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1957, (далее — Переписка...) Т. 2, С. 43.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Архив Внешней Политики РФ (далее — АВП РФ), Ф. 06, оп. 5, П. 28, Д. 327, Л. 7.
- ¹⁵ Переписка..., Т. 2, С. 40–41.
- ¹⁶ АВП РФ, Ф. 059а, оп. 7, П. 13, Д. 6, Л. 221–222. В этой же депеше Майского содержится необычный для закоренелого антисоветчика отзыв Черчилля, сделанный под свежим впечатлением разгрома немцев под Сталинградом: «Черчилль в полном восторге и даже умилении от Красной Армии. Когда он говорит о ней, на глазах у него появляются слёзы». Сравнивая Россию прошлой войны и Россию (то есть СССР) нынешней войны, Черчилль говорил: «С учётом всех факторов я считаю, что новая Россия в пять раз сильнее старой». Слегка поддразнивая Черчилля, я с полусмехом спросил: «А как Вы объясняете это явление?» Черчилль в таком же тоне мне ответил: «Если Ваша система даёт счастье народу, я за Вашу систему. Впрочем, меня мало интересует, что будет после войны ... Социализм, коммунизм, катаклизм ... лишь бы гунны были разбиты». (Там же, Л. 224).
- ¹⁷ Churchill & Roosevelt, Vol. II, P. 43.
- ¹⁸ РГАСПИ, Ф. 558, Д. 260, Л. 62.
- ¹⁹ Churchill & Roosevelt, Vol. II, P. 175–177.
- ²⁰ АВП РФ, Ф. 059а, оп. 7, П. 13, Д. 6, Л. 259–260.
- ²¹ Переписка..., Т. 1, С. 111.
- ²² Churchill & Roosevelt, Vol. II, P. 179.
- ²³ Архив Президента РФ (далее — АП РФ), Ф. 45, оп. 1, Д. 365, Л. 132.
- ²⁴ Переписка..., Т. 1, С. 138.
- ²⁵ АВП РФ, Ф. 059а, оп. 7, П. 13, Д. 6, Л. 295–296.
- ²⁶ АП РФ, Ф. 45, оп. 1, Д. 366, Л. 22.
- ²⁷ Там же, Л. 71.
- ²⁸ РГАСПИ, Ф. 558, Д. 264, Л. 38.
- ²⁹ Churchill & Roosevelt, Vol. II, P. 536.
- ³⁰ АП РФ, Ф. 45, оп. 1, Д. 367, Л. 44.
- ³¹ Там же, Л. 55.
- ³² РГАСПИ, Ф. 558, Д. 265, Л. 89.
- ³³ РГАСПИ, Ф. 558, Д. 267, Л. 44; Переписка..., Т. 1, С. 215.
- ³⁴ Churchill & Roosevelt, Vol. III, P. 69–74.
- ³⁵ Переписка..., Т. 1, С. 228.
- ³⁶ Churchill & Roosevelt, Vol. III, P. 173.
- ³⁷ Ibidem.
- ³⁸ Наринский М.М. Сталин и М. Торез. 1944–1947. Новые материалы / Новая и новейшая история, 1996, № 1, С. 28.
- ³⁹ Правда 14 июня 1944 г.; Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн, С. 151.
- ⁴⁰ РГАСПИ, Ф. 558, Д. 267, Л. 176.
- ⁴¹ РГАСПИ, Ф. 558, Д. 268, Л. 116, 158.
- ⁴² АП РФ, Ф. 45, оп. 1, Д. 369, Л. 110, 117.
- ⁴³ Churchill & Roosevelt, Vol. III, P. 593.
- ⁴⁴ Ibid., P. 547.
- ⁴⁵ АВП РФ, Ф. 06, оп. 7, Д. 588, Л. 2.
- ⁴⁶ Переписка..., Т. 1, С. 335.
- ⁴⁷ АП РФ, Ф. 45, оп. 1, Д. 370, Л. 98–100.
- ⁴⁸ Leahy Diaries, April 4, 1945. — National Archives, Record Group 218, William Leahy Records, 1942–1948, Cont. 4.
- ⁴⁹ Переписка..., Т. 2, С. 211–212.
- ⁵⁰ For Harriman from the President, April 12, 1945. — Library of Congress, W. A. Harriman Papers, Chronological File, Cont. 178.
- ⁵¹ Churchill & Roosevelt, Vol. III, P. 630.
- ⁵² Соколов В.В. Сталин и Черчилль — друзья и союзники поневоле // Война и общество, 1941–1945, кн. 1, С. 445–446; Ржешевский О.А. Секретные военные планы У. Черчилля в мае 1945 г. // Новая и новейшая история, 1999, № 3.
- ⁵³ Переписка..., Т. 1, С. 349.
- ⁵⁴ АВП РФ, Ф. 059а, оп. 7, П. 13, Д. 6, Л. 357–358.
- ⁵⁵ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969, С. 713.